

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 821.111.1
ББК Ш5(7Сое)

ГСНТИ 17.82.31; 17.07.21

Код ВАК 10.01.03

Е. А. Бежан Е. А. Bezhan

Одесса, Украина Odessa, Ukraine

ХОЛОКОСТ В НОВЕЙШЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (У. СТАЙРОН, ДЖ. ФОЕР)

Аннотация. Анализируется становление и реализация темы холокоста в новейшей литературе США на материале романов американских писателей У. Стайрона («Выбор Софи») и Дж. Фоера («Всё освещено»). Показаны принципы раскрытия темы в реалистическом и постмодернистском текстах: история и современность прочитываются в них по-разному.

Ключевые слова: холокост; история; современность; реализм; постмодернизм.

Сведения об авторе: Бежан Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы, аспирант кафедры зарубежной литературы.

Место работы: Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова.

Контактная информация: Французский бульв., 24/26, к. 108. Одесса, 65058, Украина.
e-mail: a.bezhan@mail.ru.

HOLOCAUST IN CONTEMPORARY AMERICAN LITERATURE (W. STYRON, J. FOER)

Abstract. The article deals with the problem of studying and realization Holocaust theme in the contemporary literature of the USA. The research is based on the W. Styron's novel «Sophie's Choice» and Jonathan Safran Foer's novel «Everything is Illuminated». In this article the theme development is showed in realistic and postmodern texts. History and modernity appear in them in different ways.

Key words: Holocaust; history; modernity; realism; postmodernism.

About the author: Bezhan Elena Ananolevna. Lecturer of Foreign Literature Department, Post-graduate Student of Foreign Literature Department.

Place of employment: Odessa National University, named after I. I. Mechnikov.

Тема холокоста, одной из самых масштабных трагедий XX в., не утрачивает своей актуальности и в XXI в. Истребление нацистами шести миллионов евреев накануне и в годы Второй мировой войны оставило глубокий след в памяти нескольких поколений.

В конце 1950-х гг. «уничтожение евреев по национальному признаку» стали обозначать словом «холокост». После появления многочисленных публикаций о страданиях этого народа, основанных на документальных источниках, данный термин вошел в международный обиход, а в каталоге Библиотеки Конгресса был создан следующий раздел: «холокост еврейский, 1939—1945» [Корман 2003].

Известный американский критик и исследователь еврейства Рут Уайз пишет: «The term Holocaust seems to craft a new secular version of the crucifixion, a version in which the Jews are cast as the sacrificial figure in a denationalized saga of evil and innocence <...> Both Shoab and khurbn derive from the Bible, with different weights of memory attached» [Wisse 2000: 191—236] / Термин „холокост“, кажется, породил новую версию распятия, версию, в которой евреи стали жертвенными фигурами в денационализированной саге о зле и невинности (перевод наш. — Е. Б.).

Сегодня литература о холокосте преимущественно автобиографична. Это мемуары, дневники. Однако оформляется и

литература о холокосте иного рода. Отмечая эту закономерность, Рут Уайз пишет: «If we accept the increasingly notion that “Holocaust literature has grown of its own”, Adolf Hitler would be the first ruler in history to have inspired a new literary genre» [Там же: 191] / Если мы принимаем чрезвычайно распространённое мнение о том, что „литература холокоста переросла в свой обособленный жанр“, то Адольф Гитлер может считаться тем первопроходцем истории, который основал этот новый жанр (перевод наш. — Е. Б.).

Самым известным свидетельством холокоста считается дневник 15-летней девочки Анны Франк, которая прошла испытание Освенцимом. В советской литературе тема холокоста нашла отражение в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба», а также в поэме Е. Евтушенко «Бабий Яр». О трагедии венгерского еврейства писал Имре Кертес, нобелевский лауреат 2002 г. Задачу своих эссе он обозначил словом «приближение». Комментируя это определение, А. Балла говорит: «Приближение к тому же, к чему, с одной стороны, пытается приблизиться и его художественная проза, и к чему, по его словам, приблизиться невозможно» [Балла 2005]. В подобном контексте слово «приближение» можно воспринять и буквально («первичное приближение к теме»), и как жанровое определение эссе конкретного ав-

тора (И. Кертеса).

Холокост стал одной из важных тем кинематографа. В разных странах мира в послевоенные годы режиссеры пытались представить реальные события Катастрофы и подчеркнуть ее значение в истории человечества. Ярким примером этого можно считать работу выдающегося американского режиссера С. Спилберга «Список Шиндлера», а также фильм-оскароносец польского кинематографиста Р. Поланского «Пианист». Картина поразила мир реалистичностью и прикосновением к самым сокровенным основам бытия. Отметим также, что в 1982 г. А. Пакула создал фильм по одноименному роману У. Стайрона «Выбор Софи», а уже в XXI в. был снят фильм и по роману Дж. Фоеера «Всё освещено».

Обратимся к литературе. После событий Второй мировой войны перед молодыми писателями США встала нелегкая задача: прежде всего им было необходимо выйти из тени великих литературных титанов — Фолкнера, Фицджеральда, Хемингуэя, — чтобы обрести «собственный голос» и по своему рассказать о новой и страшной войне. Тяжелым, но успешным этот путь оказался для У. Стайрона. Следуя традиции Южной литературной школы и пытаясь сказать об уроках войны в форме, органичной его поколению, У. Стайрон, по словам Л. Цехановской, сумел показать «поиски универсальных жизненных решений» [Цехановская 1987]. Это обобщение относится и к истолкованию темы «евреи в фашистском плену».

Отметим, что данная тема рассматривалась писателем не только на фоне острых социальных проблем человечества, но и в контексте проблемы экзистенциального одиночества, восходящей к выводам А. Камю. Сказанное объясняет, почему послевоенная эпоха представляется в романе центром «хаоса и отчаяния» [Morris 1975: 13], а человек — существом смертельно травмированным. Признание абсурдности мира и трагичности человеческого бытия становится философской основой романа «Выбор Софи» (1979).

Характерной особенностью данного произведения является то, что проблему фашизма, Освенцима и отобранной жизни У. Стайрон пропускает через мировосприятие представителей нескольких поколений послевоенной Америки. Благодаря такому решению в романе сталкиваются судьбы автобиографического героя (начинающего писателя Стинго), польской эмигрантки, побывавшей в Освенциме Софи Завистовской и американского еврея — наркозависимого Натана Ландау. Общий приговор современ-

никам выносит один из героев, говоря о том, что американцы, далекие от ужаса концлагерей, так и не поняли сущности этого кошмара.

В своем романе У. Стайрон использует оригинальный сюжетный ход: «любовный треугольник» (Стинго — Софи — Натан) рассматривается в контексте проблемы антигуманного мира, который не приспособлен к гармонии высоких человеческих чувств уже потому, что люди расплачиваются за грехи как предыдущих поколений, так и своих современников. Таким образом, обостряется проблема вины человечества, причастного к уничтожению как рабов американского Юга, так и «людей другой» европейской расы.

Интерес У. Стайрона к проблемам подсознательного демонстрирует закономерность, неоднократно отмечавшуюся в американской литературе: даже реалистов новейшего времени отличает повышенное внимание к проблеме одиночества, и они пытаются объяснить его подсознательными страхами. Так, У. Стайрон, обращаясь к подробностям психического состояния Софи, старается показать, как влияет ощущение катастрофы на женщину, которая вынесла испытание камерой смерти и запахом сгорающих в Освенциме тел. Отметим также, что тема испытания холокостом сочетается у писателя с проблематикой Великой депрессии, маккартизма и попыток деформировать принципы американского демократизма [Денисова 1985]. В общем можно утверждать, что экзистенциальный человек У. Стайрона, страдая «болезнью времени», остро чувствует абсурд бытия. В южных штатах Америки это может обернуться расовой нетерпимостью, а в северных и центральных — ощущением абсолютного одиночества и дисгармонией человеческих отношений. Комментируя данный подход писателя к теме, критик Дж. Крайн отметил, что у У. Стайрона «фактически все люди оказываются втянутыми в борьбу за свободу <...> свободу быть тем, кем они являются» [Craine 1984].

Уничтожение евреев как нации, «недостойной европейского статуса», тесно связано у Стайрона с мотивом дегуманизации общества. Не случайно литературовед Н. Анастасьев настаивал на том, что роман писателя надо воспринимать как призыв к «сохранению веры в возможности человека» [Анастасьев 1981]. С одной стороны, такая позиция положительно характеризует гуманистическую составляющую произведения, а с другой, утверждает исследователь, свидетельствует о преданности автора южно-американской литературной традиции, в которой зарождалась и крепла вера в возмож-

ность сопротивления Злу.

Выбор Софи, которая из-за «сбоя» в нацистской машине уничтожения попадает в Освенцим, связан с желанием выжить. Этот выбор определяется А. Зверевым как «выбор между гуманной этикой и несвободным приспособленчеством» [Зверев 1983]. Добавим, что проявляется здесь и биологический синдром спасения собственной жизни. В итоге получается, что характер Софи — это сгусток противоречий, рожденных близкой смертью. Не случайно Стинго скажет, что в Софи живет «печальная тень предчувствия смерти», к которой «стремглав движется человек» [Стайрон 2009].

Болезнью, которая не отпускала Софи, была травмирующая память о концентрационном лагере: он, этот лагерь, остался с женщиной и после ее освобождения. Сказанное помогает понять, какие проблемы она должна была разрешать в Освенциме. Так, несмотря на неуважение к отцу, доктору права Збигневу Беганскому, неоднократно высказывавшемуся о необходимости уничтожения «низших рас», она в какой-то момент только ради спасения присваивает его труд и заявляет о своем авторстве палачу Хессу. От голодной смерти ее спас Бронек, входивший в лагерную группу «Сопротивления», но когда он попросил Софи помочь, она ему отказала. Она предлагала себя в наложницы Хессу, как ей казалось, ради спасения сына Янека. Ей предоставили выбрать, кого из ее детей — девочку или мальчика — первым отправят в газовую печь.

Прошли годы и, чудом спасенная, она оказалась в совершенно равнодушной к ней Америке. Первое, что заметил влюбленный Стинго, — Софи все время что-то недоговаривает и постоянно врет. Оказывается, это вызвано тем, что люди, прошедшие лагеря смерти, войти в новую жизнь не могут. Как следствие, Софи ищет смерти, жалеет, что ей не дали утонуть. Превратив свою жизнь с Ландау в какой-то вымученный спектакль, в конце концов она уходит из жизни. Остались записи молодого Стинго, объясняющие характер Софи: *Я понял <...> что Софи склонна была смотреть на свою жизнь <...> сквозь фильтр отвержения к себе — явление, судя по всему, нередкое у тех, кто прошел через похожие страдания* [Там же: 69]. Это подтвердила и сама Софи: *...нацисты заставляли делать такое... Например, Хесс. Я бы никогда не старалась, чтобы он лег со мной, все это из-за Яна. И никогда я бы не стала говорить, что ненавижу евреев или что я написала ту брошюру, а не мой отец. Все это я делала ради Яна. Мне и сейчас просто до смерти обидно* [Там же:

200]. Подводя итоги своей жизни, она говорит: *Так многого боялась! Всего боялась — такой они внушили мне страх! <...> Ох, Язвинка, я не могу жить со всем этим* [Там же: 620—621].

Единственным островком спасения для Софи становится музыка: высокая классика все время сопровождает героиню, объясняет и реабилитирует ее. Последняя попытка вновь услышать и увидеть жизнь гармоничной реализуется фрагментами текста такого наполнения: *Весь вечер музыка Брамса исходила сквозь тонкий потолок — величественный и трагический французский рожок в сочетании с пронзительным птичьим зовом <...> Она снова и снова ставила пластинку с финалом Первой симфонии Брамса, который флейтой наполнял меня такой грустью и ностальгией, которых я никогда раньше не испытывал* [Там же: 621].

Последнее по времени и очень талантливое произведение на тему Катастрофы в американской литературе появилось в 2005 г. Речь идет о постмодернистском романе молодого писателя Джонатана Сафрана Фоера «Все освещено», который уже переведен на многие языки мира, в том числе на украинский и русский. Наш современник Дж. Фоер, обратившись к теме холокоста, раскрывает ее довольно неожиданно. Мотивационная структура произведения связывается со стремлением осознать свое место в жизни и даже во Вселенной. Отметим также, что «человек растерянный», ставший героем современной литературы, вошел и в повествование Дж. Фоера. А. Мережинская, предложившая типологию современного героя, выделяет как минимум два его типа: а) человек экзистенциальный, б) «человек поколения, утратившего ориентиры». Исследовательница называет молодое поколение «измененным», потому что оно очень отличается от предыдущих. Развивая эту мысль, литературовед Н. Бедзир добавляет, что на авансцену иногда выходит и «положительно ориентированный экзистенциальный человек» [Бедзир 2007: 472].

Именно таким мы склонны считать героя Дж. Фоера — молодого американца Джонатана, который решил разыскать в Украине еврейский штетл Трохимброд, население которого когда-то казнили фашисты. Роман, посвященный путешествию героя, безусловно, постмодернистский, т. е. сюжетом, стилем и даже языком представляет человека в состоянии тяжелого отчаяния, желающего «обрести себя» и не всегда осознающего, где он и что с ним происходит.

Очень важно, что проблема самоидентификации личности должна разрешиться на

территории «новой Родины». Поиск себя в необъятном мире сочетается у Дж. Фоера с проблемой памяти об ужасном прошлом своего народа: *Я хочу увидеть Трохимброд, — сказал герой, — увидеть, какой он, где рос мой дедушка и где бы я был сейчас, если бы не война* [Фоер 2005]. Несмотря на утверждение, что постмодернистский роман обычно не изображает эволюцию личностного мышления, мы отмечаем, что идейным центром произведения Дж. Фоера является проблема *индивидуального выбора своей жизни и своей истории*. Именно этот мотив, как утверждает Т. Денисова, делает актуальными утраченные сегодня идеалы нравственности и духовности [Головна течія... 2006]. Данный мотив, кроме того, объединяет произведение молодого современного автора с романом его предшественника У. Стайрона.

Локус войны как пространства, которое уничтожает человеческое «Я», реализуется в образе Деда. Проблема самоидентификации оказывается для него такой же важной, как и для Джонатана. Дед вынужден вернуться в прошлое, о котором старался забыть. А вернувшись, вынужден снова пережить расстрел и решить для себя, кто же он такой — жертва нацизма или предатель. Пережив гибель односельчан-евреев, он очень хотел забыть, что и сам еврей. Жаждал этого с такой силой, что возненавидел само слово «еврей». Эта ненависть вырывалась из него: *Я ненавижу Львов! Я ненавижу Луцк! Я ненавижу еврея на заднем сиденье машины...* [Фоер 2005]; — *Сэмми-Дейвис-младший был евреем? — Вы что, это невозможно. Сэмми-Дейвис-младший никогда не был евреем!* [Там же: 91].

Скорее всего, с образом Деда в романе Дж. Фоера связан мотив исторического беспамятства. В постмодернистском романе, которому историзм вообще-то противопоказан, неожиданно выходят на первое место история и судьба человека. В этом случае необходимо признать правоту Т. Денисовой, Т. Потницевой, Ю. Ткаченко, которые неоднократно указывали на то, что Дж. Фоеру присущ «экстравагантный» и «изобретательный» взгляд на историю [Головна течія... 2006]. Историческая реальность для него — спираль, которая затягивает и делает современниками всех: как дедов и прадедов, так и детей и внуков. Тем самым то, что происходило в 1942 г., становится реальным и сейчас: *Генерал подошел к следующему мужчине в ряду. А то я. — Кто здесь еврей? — спросил он и я вновь почувствовал Гершелеву руку я знал что его рука говорит „пожалуйста пожалуйста Эли я не хочу умирать“ <...> Так кто еврей? — спросил*

меня Генерал и я услышал как ко второй моей руке касается рука бабушки и я знал что на руках у нее твой малый батя а у него на руках ты и твои дети и я так боюсь умереть и боюсь умереть я так боюсь умереть <...> и тогда я сказал что он еврей <...> а он был мне друг он же был мне лучший друг [Фоер 2005: 362] (в цитате сохранены стилистика и синтаксис Дж. Фоера. — Е. Б.). Много десятилетий подряд Дед вытаскивал из памяти этот эпизод, но история настигла его, и теперь, как и всех читателей романа, его мучает одна мысль: «Как жить дальше с грузом трагедии?» В конце концов самоубийство становится неизбежным и единственным для него выходом: *я знаю, что я должен сделать и сделаю это* [Там же: 363]. Важнейшим свидетелем геноцида и человеком, который сохраняет и несет в себе память о прошлых событиях, в романе Дж. Фоера выступает Августина-Листа. Именно она становится главным поводырем каждого из героев к его забытому «Я». Об этом свидетельствуют следующие строки: — *Мы ищем Трохимброд. — О, — выдавила из себя женщина и залилась рекой слез, — вы уже приехали. Я и есть Трохимброд* [Там же: 187].

Еще не до конца понимая эти слова, Джонатан и его спутники надеялись увидеть реальный «штетл», но Августина и является последним его свидетелем, все остальные давно уничтожены: *Мы проехали за Августиной в середину поля, там она остановилась. — Ты измучилась? — спросил Дед. — Ты так много прошла. — Нет, — сказала она ему. — Мы уже на месте. — Что? — Я же говорила вам, что вы ничего здесь не увидите — сказала Августина. — Они все разрушили* [Там же: 287—288].

Придя в ее дом, все трое понимают, что очутились в чем-то вроде музея или древнего сундука, в который складывают всё самое памятное. Сохраняя Трохимброд в фотографиях и других вещах, эта женщина оживляет души тех, кого вернуть уже невозможно: *Стен не было видно за большим количеством фотографий. Там была куча ящиков. Из ящика, на котором было написано СВАДЬБА И ДРУГИЕ ПРАЗДНОВАНИЯ, торчал кусок белой материи. Ящик ЧАСТНОЕ: Личные КНИГИ / дневник / ЗАМЕТКИ / нижнее белье. Был еще ящик СЕРЕБРО / ПАРФЮМЕРИЯ / ШПИЛЬКИ, а дальше ЧАСТЬ / зимнее, а еще были СТАТУЭТКИ / ОЧКИ* [Там же: 231—232]. В локусе «дома, которого нет» каждый из героев будто находит и идентифицирует себя, объединяясь с теми, кого уже нет. Так постепенно оформляется мысль о том, что Августина всю свою

жизнь сделала мостиком между прошлым и будущим. *Мы смотрели на нее, как от нее зависел весь мир и будущее* [Там же: 233], — пишет автор. Благодаря ей трагедия сожженного Трохимброда не только навсегда остается черным пятном в поле, но и оживает в памяти тех, кто приходит сюда за Августиной. Живя прошлым и сохраняя в себе историю холокоста, женщина, сама того не понимая, превращает его в актуальную проблему настоящего: *А можно я спрошу? — Да конечно. — Война уже закончилась?* [Там же: 303]. Для нее, утверждает автор, война остается там, где сжигают, уродуют, унижают. И этот урок должен быть усвоен.

Таким образом, в романах У. Стайрона и Дж. Фоера тема холокоста становится мотивом, который, в силу своей трагедийности, «перекрывает» тему войны и поглощает ее. В результате Вторая мировая война уже не описывается и даже не возникает в воспоминаниях героев, ее олицетворением и метафорой становится холокост. Показательно, что в восприятии У. Стайрона человеконенавистничество, повлекшее за собой холокост, проецируется на главную проблему Юга — расизм. В романе Дж. Фоера холокост с геноцидом предков героя связывается с современной проблемой идентификации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анастасьев Н. А. Южный акцент // Проблемы становления американской литературы. — М. : Наука, 1981. С. 113—154.
2. Балла О. Книга невозможностей. Венгерский

нобелевский лауреат о мире после катастрофы // *Ex Libris*. 2005. № 17. С. 24—27.

3. Бедзир Н. П. Русская постмодернистская проза в восточно- западном литературном контексте. — Ужгород : Вид. Олександрі Гаркуші, 2007.

4. *Головна течія* — гетерогенність — канон в сучасній американській літературі : матеріали 3 міжнар. конф. з амер. літератури (Київ, Україна, 3—5 жовт. 2005 р.) / укл. Т. Н. Денисова. — Київ : Факт, 2006.

5. Денисова Т. Н. Экзистенциализм и современный американский роман. — Київ : Наукова думка, 1985.

6. Зверев А. М. Логика литературного десятилетия // Литература США в 70-е гг. XX века. — М. : Наука, 1983. С. 11—79.

7. Корман Г. Холокост в трудах американских историков // За гранью понимания. Философы и богословы о холокосте / под. ред. Дж. К. Рота и М. Берембаума. — Киев : Дух і літера, 2003.

8. Стайрон У. Выбор Софи : [роман] / [пер. с англ. Т. Кудрявцевой]. — М. : АСТ, 2009.

9. Фоер С. Дж. Все ясно : [роман] / [пер. з англ. Р. Семківа]. — Київ : Факт, 2005.

10. Цехановская Л. Экзистенциальный аспект творчества У. Стайрона // Уч. зап. / Тартус. ун-т. 1987. Вып. 771. С. 126—133.

11. Craine J. K. The Root of All Evil: The Thematic Unity of William Styron's Fiction. — Columbia : South Carolina UP, 1984.

12. Morris R. K. An Interview with Willam Styron. — Athens : The Univ. of Georgia Pr., 1975. P. 13.

13. Wisse R. Testimonies in native and adopted tongues // The modern Jewish canon. — N. Y. : Free pr., 2000. P. 191—236.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. И. Силантьева